

Ксения Егорова

ПРАЖСКИЙ ПОЭТ КИРИЛЛ НАБОКОВ

Начало творческого пути Кирилла Владимировича Набокова (1911-1964)¹, младшего брата и крестника Владимира Набокова, которое приходится на 1930-е годы XX века, совпало с переломным моментом в жизни русской диаспоры в Праге.

К моменту переезда Кирилла Набокова в Прагу зимой 1923 г. независимая Чехословакия, во главе которой стоял президент Т.Г. Масарик (1850-1937), отметила пятилетие со дня своего появления на карте Европы (днем образования государства считается 28 октября 1918 г., несмотря на то, что Сен-Жерменский мирный договор, легитимировавший образование новых государств, был заключен между Австрией и странами Антанты только в 1919 г.). Возникшая в результате распада Австро-Венгерской империи Чехословакия привлекала русских беженцев особой программой помощи эмигрантам, получившей название «Русской акции»

¹ Б. Бойд указывает, что Кирилл Набоков родился 4 (17) июня 1911 г. в имении Набоковых Выра под Петербургом (*Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. СПб., 2010. С.118). Однако в ряде исследований и публикаций приводятся другие даты: 15 июня 1912 г. (Поэты пражского «Скита». Стихотворные произведения. СПб., 2005. С.523), 30 июня 1911 («Скит» Прага 1922-1940. М., 2006.С.553), 15 июня 1912 г. (*Ледковская М.* Забытый поэт. Кирилл Владимирович Набоков // Новый Журнал. 1997. № 209. С. 277).

чехословацкого правительства, благодаря которой Прага, столица молодого славянского государства, на несколько десятилетий превратилась в крупнейший эмигрантский культурный центр наряду с Парижем и Берлином, где с 1920 года проживала семья Набоковых, покинувшая Россию в 1919 г. на греческом судне «Надежда».

Именно с материальной поддержкой, оказываемой в рамках «Русской акции» семьям известным русским ученым, политикам и деятелям культуры, было связано переселение Елены Ивановны Набоковой, матери Кирилла, в Прагу²; некоторую роль в переезде семьи из Берлина, по мнению Брайана Бойда, сыграл первый чехословацкий премьер-министр Карел Крамарж (1860-1937), принявший в 1923 г. вдову лидера партии кадетов Владимира Дмитриевича Набокова на своей пражской вилле.³ Помощь в получении правительственной стипендии мог оказать семье и кадет П.Б. Струве, который в 1922-1925 гг. проживал в Чехословакии и занимал видное место в культурной жизни русских пражан.

«Русская акция», положившая начало формированию в Праге одного из европейских центров эмигрантской диаспоры, имела свои политические и экономические предпосылки в трудах Масарика-философа о смысле чешской истории и положении России в семье славянских народов; программа помощи также была связана с культурными процессами, протекавшими в Чехии и Словакии, начиная с конца XVIII века, когда в работах будителей (славянских патриотов периода национального возрождения) господствовали русофильские настроения, выразившиеся в идеологии «русофильского панславизма» и концепции «славянской взаимности», долгое время определявшей отношение чехов и словаков к другим славянским народам.

Суть программы помощи была представлена на страницах меморандума 1922 г. «Помощь России со стороны Европы и Америки»⁴, который был направлен чехословацким президентом правительствам многих европейских стран. В соответствии с текстом меморандума, «Русская акция» была ориентирована на видных деятелей науки и студентов, не сумевших получить образование вследствие революции и Гражданской войны в России. По мысли Масарика,

² О пражской жизни семьи Набоковых см.: *Раевский Н.* Воспоминания о Владимире Набокове // Простор. 1989. №2. с.112-113.

³ *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. СПб., 2010. С. 260.

⁴ Текст меморандума см. в: *Otevřít Rusko Evropě. Dvě stati ruské otázky roku 1922.* Praha, 1992.

высокообразованная элита из эмигрантской среды в будущем могла бы сменить правительство большевиков и стать во главе обновленного российского государства, построенного на демократических началах, что имело бы позитивное влияние на экономическую стабильность и политическое равновесие в Европе.

Заочное создание в эмиграции нового российского правительства и даже разработка вдали от родины проекта устройства государства не представлялись чехословацкому лидеру и кругу его единомышленников утопией. Эта мысль исходила из практики, хорошо знакомой Масарику, поскольку правительство Чехословацкой Республики формировалось за пределами Австро-Венгерской империи (годы Первой мировой войны Масарик провел в странах, входивших в состав Антанты, а также в США, где он активно пропагандировал идею чехословакизма и необходимость государственного самоопределения этой нации). В Прагу Масарик вернулся в 1918 г. уже будучи президентом независимой Чехословакии, доказав, что государство может быть основано политическими эмигрантами.

Представляется, что «Русская акция» не смогла бы достичь значительных успехов за столь короткий временной промежуток, если бы она являлась проектом одного человека (даже если этим человеком был авторитетный президент-освободитель); ближайшими помощниками Масарика стали видные чехословацкие политические деятели: первый премьер-министр Карел Крамарж, министр иностранных дел Эдвард Бенеш (1884-1948) и его заместитель дипломат Вацлав Гирса (1875-1954).

Однако политические взгляды Карела Крамаржа, убежденного русофила, сочувствовавшего белому движению, не совпадали с точкой зрения партии реалистов под предводительством Масарика, что обусловило разделение эмигрантской среды на два лагеря: приверженцев монархии под покровительством Крамаржа и эсеров, получавших поддержку правительственной партии.

Крамарж, чьей женой в 1900 г. стала Надежда Николаевна Абрикосова, принадлежащая к богатому московскому роду промышленников и предпринимателей, обладал значительным состоянием, позволявшим ему самостоятельно проводить русскую политику, выплачивая стипендии и пенсии некоторым эмигрантам, а также внося щедрые пожертвования на счет русских благотворительных организаций. В 1919 г. Крамарж лишился кресла премьер-

министра, но его мнение как члена чехословацкого парламента все еще имело вес в политических решениях Града. Крамарж, мечтавший реставрировать в России монархию, пропагандировал интервенцию в Советскую Россию со стороны крупнейших европейских держав, что представлялось Масарику недалёковидным решением, идущим вразрез с основным направлением чехословацкой политики. Масарик, противник русского царизма, намеревался противопоставить правительству большевиков, которых он считал дилетантами, не способными долго удерживать власть в стране, высокообразованную и квалифицированную элиту, сложившуюся в эмигрантской среде.

Помимо материальной поддержки семья Набоковых получила также возможность, живя в Чехословакии, пользоваться некоторыми социальными программами, реализовывавшимися в стране в рамках «Русской акции», среди которых немаловажную роль в жизни Кирилла Набокова сыграла русская гимназия, учрежденная в Праге Земгором по типу чешских реформированных реальных гимназий.

Кирилл Набоков окончил пражскую гимназию в начале 1930-х г., что совпало с существенными изменениями, произошедшими в политической и экономической жизни в Чехословакии. «Русская акция» чехословацкого правительства была сведена к минимуму: сократился прием русских студентов в университеты Праги, правительственное субсидирование отдельных русских культурных институций значительно уменьшилось, выпускники русских факультетов были лишены ежемесячного «иждивения» и не имели возможности трудоустроиться, поскольку в условиях экономического кризиса, затронувшего в 1929 г. благополучную Чехословакию, приоритетным направлением внутренней политики государства стало сохранение национального рынка труда, закрывшегося для русских эмигрантов, которые поступили в университеты Праги в период с 1921 по 1923 гг., во время расцвета акции помощи, и окончили курс к началу 30-х гг.

«Русская акция», какой она была представлена на страницах меморандума «Помощь России со стороны Европы и Америки», носила подчеркнуто временный характер; чехословацкое правительство не предусматривало расширение своего национального рынка труда за счет открытия дополнительных рабочих мест для специалистов из эмигрантской среды.

Стремление сохранить политическое равновесие и экономическую стабильность в стране фактически означало отказ от проводимой ранее политики в

области поддержки русских эмигрантов. Окончательный приговор «Русской акции» был вынесен в 1934 г., когда Чехословакия признала Советский Союз де-юре, и открытая правительственная помощь эмигрантам могла осложнить дипломатические отношения между странами.

Сложившаяся к началу 30-х гг. ситуация вынуждала вчерашних студентов «русского Оксфорда» покинуть Чехословакию в поисках лучшей доли, что в значительной степени повлияло на литературный процесс, развивавшийся в Чехословакии параллельно и в непосредственной связи с правительственной акцией помощи. Взаимодействие русской литературной среды с культурной политикой правительства Масарика показывает, что «литературное поле»⁵ русской эмиграции в Праге развивалось иначе, чем в других русских культурных центрах (Берлине или Париже), где «оно формировалось в отсутствие “поля власти” <...> и представляло собой автономию в квадрате».⁶

«Литературное поле» русской Праги не было автономным, оно частично контролировалось чехословацкими правительственными институтами. Так, со многими учеными и писателями, приглашенными в Прагу и занявшими места на русских кафедрах, Масарик был знаком со времен своих первых научных командировок в Россию. Ярким примером вмешательства политики в культурный процесс может послужить история крупнейшего пражского русского издательства «Пламя», которое находилось под покровительством полугосударственного банка чешских легионеров и задумывалось как общеславянское книжное дело, выпускающее и торгующее книгами на всех славянских языках.

К началу 30-х гг., когда многие беженцы покинули Чехословакию и рассеялись по Европе, произошли существенные изменения внутри пражского «литературного поля», структура которого полностью сформировалась к середине 20-х гг.: влияние «поля власти» на литературный процесс уменьшилось; разрушилась сложившаяся в 20-е гг. иерархическая система, определявшая взаимоотношение между «старшим» и «младшим» литературными поколениями; появился интерес к изучению чешского языка, культуры и истории Чехословакии. Резкий поворот, обозначившийся во внутренней политике государства, обусловил стремительное превращение Праги из столицы русского студенчества в

⁵ В соответствии с терминологией Пьера Бурдьё социальное пространство русской колонии в Чехословакии можно охарактеризовать как совокупность взаимодействующих полей (литературного, научного, экономического и т.д.), подчиненных более широкому «полю власти».

⁶ Маликова М.Э. Дар и успех Набокова // Империя Н. Набоков и наследники. М., 2006. С.24.

литературную провинцию, занимающую периферийное место в культурной жизни русской эмиграции. Полемику с русским Парижем вел критик и литературовед Альфред Людвигович Бем⁷, который являлся организатором одного из самых авторитетных объединений молодых литераторов в Чехословакии, получившего название «Скит» (1922-1940)⁸, членом которого 23 марта 1931 г.⁹ стал Кирилл Набоков.

«Скит» объединял талантливую молодежь, в основном из студенческой среды, желавшую научиться писать стихи. Учебный характер творческих встреч «Скита», похожих более на дополнительный университетский семинар по стихосложению или студенческий кружок по интересам, чем на полноценное объединение молодых литераторов, был обусловлен спецификой пражского эмигрантского общества. В отличие от других европейских центров эмиграции русская Прага являлась местом средоточия студенческой и научной жизни, а потому ведущую роль в культурном процессе играли две социальные группы: студенчество и преподавательский состав русских факультетов и университетов, что условно разделяло общество на «учителей» и «учеников». Подобное разделение неизбежно открывает более серьезные проблемы «поколенческого» характера, которые для закрытого общества, каким являлась пражская русская диаспора, оказывались особенно остры.¹⁰

Замечания о вторичности возраста для определения принадлежности писателя к «младшему» или «старшему» поколениям эмигрантских литераторов в полной мере применимы к характеристике русского общества в Праге, где студенчество, с которым ассоциировалось молодое поколение писателей, не было в силу различных обстоятельств, связанных с революционными событиями в России, однородно по возрасту. Об этом феномене русской Праги Цветаева писала в письме к Р. Гулю от

⁷ См., например, статью: *Бем А.Л.* «Столица» и «провинция» // Меч. 10.10.1937. №39.

⁸ Подробнее об объединении см.: *Белошевская Л.Н.* Пражское литературное содружество «Скит» // «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006. С.5-76.

⁹ Дата указана в соответствии со списком членов творческого союза, который имел название «Четки» и включал в себя помимо имен участников также даты принятия в ряды «скитников». «Четки» хранятся в архиве А.Л. Бема (пражский литературный архив «Památník národního písemnictví»), копия списка также опубликована в качестве иллюстративного материала в: «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006. Вкладка между страницами 544-545.

¹⁰ Более подробно о проблеме поколений, определении этой формы групповой идентичности и «поколенческой риторике» первой волны русской эмиграции см.: *Каспэ И.* Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М., 2005.

27-го июня 1923 г.: «Здесь старые и молодые профессора, старые и молодые студенты....».¹¹

Учебный характер встреч «Скита» обусловил репертуар тем, представленных в виде докладов и сообщений участниками объединения и его бессменным руководителем А.Л. Бемом¹², а также определил программу творческих вечеров, в рамках которых прочитанное стихотворение подвергалось анализу и дружеской критике, подводились итоги, и давалась характеристика творческого развития каждого «скитника»¹³. На собрания «Скита» приглашались авторитетные критики и литераторы; так, например, в 1922 г. первый «интимный вечер» объединения молодых поэтов посетила Марина Цветаева, представлявшая в эмиграции «старшее» поколение литераторов.¹⁴ Встречи с литературными авторитетами часто устанавливали моду на определенного поэта или поэтический стиль, что порождало подражания и посвящения, широко распространенные среди «скитников».

За почти двадцатилетие своего существования «Скит» не создал какой-либо поэтической идеологии¹⁵, путь поэтических исканий «скитников» может быть определен именами литературных авторитетов: Пастернак, Есенин, Маяковский и Цветаева, что дало возможность парижскому поэту и критику Г. Адамовичу (1894-1972) сравнить полемику между Парижем и Прагой с давним соперничеством Петербурга и Москвы.¹⁶ Большое влияние почти на всех участников «Скита» оказали Борис Пастернак и Марина Цветаев¹⁷, считавшиеся Бемом ярчайшими поэтами современности; своеобразный поэтический миф о «заоблачном» родстве с Пастернаком создала сама Марина Цветаева, высоко ценившая творчество поэта, что

¹¹ *Цветаева М.И.* Собрание сочинений в 7 т. М., 1995. Т.6. с. 529.

¹² Были представлены доклады о проблемах современной русской литературы, о принципах стихосложения и особенностях развития эмигрантской литературы.

¹³ Вадим Морквин на страницах воспоминаний свидетельствовал, что «скитниками» называл членов творческого объединения только А.Л. Бем; в начале 30-х закрепилось другое имя «скитовцы», образованное по примеру «лефовцев», «напостовцев» и «рапповцев» («Воспоминания» Вадима Морковина // *Русская Литература*. 1993. №1. с. 213).

¹⁴ Протоколы собраний, программы вечеров и стенограммы хранятся в пражском литературном архиве « *Památník národního písemnictví*» в фонде А.Л. Бема, документы также были частично опубликованы Л. Белошевой в сборнике: «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006.

¹⁵ Подробнее о поэтической идеологии «Скита» см.: Белошевская Л. Творческий профиль объединения// «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006. с.38-72.

¹⁶ Последние новости. 1935.24 января. №5054. С.2.

¹⁷ Среди участников «Скита» было немало подражаний стилю Цветаевой; наиболее ярко эта тенденция прослеживается в произведениях Е.Н. Рейтлингер, которая заимствует некоторые художественные образы и даже отдельные слова, характерные для ранней лирики Цветаевой (здесь и «Царица с крылатым телом», и особая «поступь», и «в браслетах царская рука», и «голубой небесный предел»).

было хорошо известно литературной Праге.¹⁸ Ориентация «Скита» на поэзию Бориса Пастернака обусловлена отношением пражских литераторов к новой советской литературе. Пражане во главе с Марком Слонимом не делали различий между эмигрантской и советской литературой, считая их частью единого литературного процесса, а потому «Воля России» и студенческий журнал «Своими путями» уделяли значительное место советским писателям, а также часто хвалебным отзывам о новейших течениях в советской литературе. Подобная позиция позволила Вячеславу Лебедеву, стоявшему у истоков «Скита», охарактеризовать направление исканий молодых пражских поэтов следующим образом: «...хотя “Скит” был исключительно эмигрантским обществом, главенствовала в нем советская поэзия, представленная Маяковским, Есениным и Пастернаком».¹⁹ Влияние Пастернака угадывается и в стихотворениях Кирилла Набокова, продолжающего в своем поэтическом творчестве «пражское направление», отличающееся от русского Парижа приятием современной советской литературы.

Десятая годовщина «Скита», отмечавшаяся участниками в 1932 г., заставила А.Л. Бема оглянуться на всю историю объединения и поставить вопрос о возможном будущем развитии молодой поэзии в эмиграции; перспективы представлялись Бему малопривлекательными. Свое вступительное слово на вечере «Скита» 25 апреля 1933 г. А.Л. Бем начал размышлением о поэтической идеологии «Скита», итогом которого стал вывод об отсутствии у кружка единого теоретического основания.²⁰ Искусственное создание общей программы, по мнению Бема, неизбежно привело бы к распаду «Скита» ввиду разноликости участников объединения, приходивших на встречи скорее за «общением на почве творческих исканий»²¹, чем с намерением построить свою литературную карьеру (большинство «скитников», параллельно получавших техническое образование, не расценивало литературный труд как возможную будущую профессию).

¹⁸ Об этом свидетельствует замечание «скитника» Александра Туринцева: «Пастернак – он стар ведь, как время, седой, как мир (и – живой). Он вне времени, но больше, наверное, больше, - для будущего. <...>Попадешь во власть его, в его мир – захлебнешься, как захлебнулась, говоря о нем, давно уже, но хорошо (в «Эпопее», кажется), Марина Цветаева». (Туринцев А. Поэзия современной России // Поэты пражского «Скита». Проза. Дневники. Письма. Воспоминания. СПб., 2007. С.226).

¹⁹ Лебедев В. Воспоминания о пражском «Ските» // «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006. С.715.

²⁰ Бем А.Л. Вступительное слово на вечере «Скита» 25 апреля 1933 г. // «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006. С.665.

²¹ Бем А.Л. Вступительное слово на юбилейном вечере «Скита» 22 апреля 1932 г. // «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006. С.664.

Отсутствие какой-либо единой теоретической платформы объяснимо и постоянным обновлением состава «Скита», что само по себе неудивительно в условиях эмигрантского общества. А.Л. Бем видел уникальность «Скита» в том, что «кружок существует независимо от смены участников», в то время как обычно «птенцы вылетают, разрушая гнездо за его ненужностью»²².

Ирина Альфредовна Бем (1916-1981) выделила в истории творческого объединения три периода или три поколения учеников («птенцов»), посещавших поэтические вечера и участвовавших в дискуссиях.²³ В список, составленный Ириной Бем, включены не все участники объединения, однако сам принцип выделения нескольких поколений, на наш взгляд, удачен. Кирилл Набоков, ставший членом литературного союза в 1931 г., принадлежал к последнему, самому младшему, поколению «скитников», которое отличалось от предыдущих тем, что состояло в основном из вчерашних гимназистов, не имевших за плечами ни жизненного опыта, ни литературной репутации, в то время как некоторые представители первых двух поколений пришли в «Скит» уже сложившимися литераторами.

Первое стихотворение Кирилла Набокова «Творчество» было опубликовано в 1930 г. в берлинской газете «Руль», основанной в 1920 г. отцом Кирилла и Владимира В.Д. Набоковым совместно с другом семьи Набоковых И.В. Гессеном. Специального литературного отдела в газете не было, а потому стихотворение Кирилла Набокова стояло особняком. Зимой 1931 г. состоялась публикация Кирилла Набокова в настоящем литературно-художественном журнале, когда два его стихотворения («Охота» и «Ночь падает тяжелой гроздью звезд...») появились на страницах крупнейшего пражского журнала «Воля России» (№ 1-2). Кроме названных произведений Кирилла Набокова в том же номере журнала были напечатаны стихотворения других «скитников»: Аллы Головиной, Владимира Мансветова и Вадима Морковина. Все они принадлежали к самому младшему поколению учеников А.Л. Бема; Алла Головина, чей талант особенно ценил А.Л. Бем, училась в русской гимназии в Моравской Тршебове вместе с дочерью Марины Цветаевой Ариадной, что красноречиво указывает на появление в структуре

²² Там же.

²³ См. *И.А. Бем «Скит поэтов» в Праге* // Поэты пражского «Скита». Проза. Дневники. Воспоминания. Письма. СПб., 2007. С. 531.

пражского литературного общества 30-х гг. не только «учителей» и «учеников», но и «отцов и детей».

В 20-е гг. публикация в таком авторитетном журнале как «Воля России» могла сыграть решающую роль в судьбе молодого поэта, однако к началу 30-х гг., когда течение литературной жизни русской Праги замедлилось и приобрело провинциальные черты, а наиболее талантливые литераторы потянулись в «столицу», в Париж, вслед за уже покинувшими Чехословакию М. Цветаевой, М.Слонимом, С. Рафальским и А. Туринцевым, структура пражского «литературного поля» изменилась. Первая подборка стихотворений «скитников» появилась на страницах журнала «Воля России» в 1925 г.; позже публикации молодых поэтов стали более или менее регулярными. Литературный отдел «Воли России», которым заведовал Слоним, проводил свою культурную политику, одним из пунктов которой была поддержка молодых и малоизвестных литераторов.²⁴

Внимание критики к новой поэзии «Скита» привлекали не столько публикации участников объединения, сколько творческие встречи и литературные вечера, на одном из которых побывал Владимир Набоков. Брайан Бойд отмечает, что писатель отправился в Прагу в мае 1931 г. и посетил поэтический вечер «Скита», на котором среди прочих выступал с чтением своих стихотворений Кирилл Набоков.²⁵ Вероятнее всего, Владимир Набоков посетил собрание в Союзе русских писателей и журналистов в ЧСР, состоявшееся 1 мая 1931 г. Сохранилась программа этого вечера, материал который свидетельствует о том, что Кирилл Набоков прочитал четыре своих стихотворения²⁶, два из которых, «Ночь металась...» и «Весна» не были опубликованы при жизни автора, а также не вошли в сборники Л. Белошевой и О. Малевича, эти произведения не удалось обнаружить и в пражском литературном архиве.

В письмах 30-х гг. Владимир Набоков нелестно отзывался о поэтических опытах младшего брата. Так, в письме к матери он с иронией заметил: «Почему “воет зверь”, а потом оказывается “птицей”? – какой птицей?...что за наивная антитеза, - там звезды, тут фабрики, там розы, тут электричество – чем фабрика хуже

²⁴ Подробнее о литературной политике М. Слонима см.: Русская литература в эмиграции: Сб. статей под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С.297.

²⁵ Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. СПб., 2010. С.414.

²⁶ См. «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006. С.707.

роз, спрашивается? Все это – домашняя метафизика – и к жизни, и к поэзии – настоящим птицам и настоящим розам – не имеет ни малейшего отношения ...».²⁷

Вынося приговор незрелым стихотворениям брата, Владимир Набоков попутно замечает, что «с другой стороны, все стихи, которые мне приходилось читать в “Воле России” (Лебедева²⁸, например), на том же уровне».²⁹

Представляется, что негативная оценка Владимиром Набоковым поэтического творчества Кирилла относится также и ко всему пражскому объединению. Пренебрежительное отношение Владимира Набокова к «Скиту» в 30-е гг. могло быть обусловлено полемикой вокруг издания сборника избранных стихотворений Бунина³⁰, начало которой было положено публикацией в «Воле России» в 1929 г. статьи А. Эйснера «Прозаические стихи»³¹ с пометой: «редакция “Воли России” не разделяет всех оценок автора настоящего издания».³²

Поводом для критического осмысления поэзии Бунина стала вышедшая в 1929 г. в издательстве «Современные записки» книга его стихов. А. Эйснер решился на отчаянный шаг, поставив под сомнение «современность» Бунина и восторженность первых рецензий на эту книгу, среди которых оказалась рецензия В. Набокова, опубликованная в «Руле» (25.05.1929 г.) под псевдонимом Сириин. А. Эйснер резко назвал культ Бунина, установившийся в эмигрантской среде, «гипнозом имени»³³, а свою статью посвятил развенчанию этого культа, подвергнув аналитическому разбору многие стихотворения, вошедшие в сборник; Эйснер вступил в открытую полемику с Сирином, высмеяв его строки о новых читателях, ищущих откровений в «безграмотном бормотаньи советского пиита».³⁴ Париж и Берлин давно с опаской поглядывали на пражан, сочувственно относившихся к

²⁷ Цит. по: *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. СПб., 2010. С.423. Речь, вероятно, идет о двух стихотворениях, ставших «визитной карточкой» Кирилла, и опубликованных в «Воле России»: «И тени, падая зигзагами, дрожат, \ и воет зверь, луной обрызган рыжей <...>...И раненая птица бьет крылом \ Роняя кровь, глотая иглы стужи...». (*Набоков К.* Охота // «Воля России». 1931. № 1-2. С.51). «Ночь падает тяжелой гроздью звезд, \ а день гудками и стальным стенаньем, \ и вянет мир веселых, нежных роз \ от электрического тусклого сиянья». (*Набоков К.* «Ночь падает тяжелой гроздью звезд...» // Там же. С.52).

²⁸ Вяч. Лебедев, считавшийся одним из ярчайших поэтов «Скита», много печатался в этом пражском журнале в 1928-1929 гг.

²⁹ Цит. по: *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. СПб., 2010. С.423.

³⁰ *Бунин И.А.* Избранные стихи, 1900-1925. Париж, 1929

³¹ *Эйснер А.* Прозаические стихи // Воля России. 1929. № 12. С.75-88.

³² Там же. С.75.

³³ Там же. С.76.

³⁴ *Сириин В.* Бунин И.А. Избранные стихи, 1900-1925. Париж, 1929 // Руль. 22.05.1929.

Советской России и печатавших в своих журналах («Воля России», «Своими путями») произведения молодой советской литературы.

Сири́н принял вызов и в 1930 г., также в берлинском «Руле»³⁵, опубликовал статью, в которой он «разделяет под орех “некоего” А. Эйснера из Праги за высказанное этим последним собственное мнение о стихах Бунина».³⁶ К полемике подключился Вяч. Лебедев, воспитанник первого поколения «Скита», статья которого «О красных лапках, дедушкиных портретах и голом короле», опубликованная в 1930 г. в «Воле России», окончательно утвердила точку зрения Праги на современную русскую литературу и подчеркнула положительное отношение пражан к советскому литературному процессу.³⁷ Развернувшаяся полемика³⁸ затронула важные сферы жизни русской Праги; во-первых, «ученики» обрели свой голос и стали считать себя равноправными участниками эмигрантской литературной жизни, имеющими право на независимость суждений. Помимо перелома, ясно обозначившегося в сознании «младшего» поколения литераторов, дискуссия о поэтическом творчестве Бунина заставила вновь осмыслить положение Праги в ряду других центров русской эмиграции. Столь резкие и самонадеянные выпады «скитников» спровоцировали пренебрежительное отношение В. Набокова к пражскому поэтическому объединению, которое проецировалось на первые попытки Кирилла найти место в литературе русской эмиграции.

Свою критику Владимир Набоков не скрывал от Кирилла, о чем свидетельствуют письма, относящиеся к началу 30-х гг.³⁹ Тон писем снисходительный, в них подчеркиваются все «несуразности»⁴⁰ и оплошности молодого поэта, растолковываются базовые правила стихосложения и щедро даются

³⁵ Сири́н В. На красных лапках// Руль. 29.01.1930.

³⁶ Лебедев Вяч. О красных лапках, дедушкиных портретах и голом короле// Поэты пражского «Скита». Проза. Дневники. Воспоминания. Письма. СПб., 2007. С.267.

³⁷ Суть подобных эмигрантских дискуссий позже была с иронией обозначена В.Набоковым в романе «Пнин»: «Просмотрел он и свежее продолжение чрезвычайно длинной и скучной полемики трех эмигрантских течений. Ее затеяла партия А, обвинившая партию В в инертности, иллюстрируя это пословицей «И на елку бы лез, и ног бы не ободрал». В ответ появилось едкое письмо к издателю от «Старого оптимиста», озаглавленное «Елки и инертность» и начинавшееся так: “Есть старая американская поговорка: «Если живешь в оранжерее, не пытайся убить двух птиц одним камнем”. В последнем номере фельетон в две тысячи слов – присланный представителем партии С – под названием «О елках, оранжереях и оптимизме», и Пнин прочел его с живым интересом и сочувствием». (Набоков В. Пнин. СПб., 2007. с.103-104).

³⁸ Подробнее о полемике между молодыми писателями Праги и Сирином см. в диссертации Й. Костинцовой: *Kostincová J. Ruská poezie 20. a 30. let 20. století v pražském exilu. Disertační práce. Brno, 2005. S.215-217.*

³⁹ Письма к Кириллу см. в: *Набоков В. Переписка с сестрой. Ann Arbor, Michigan, 1985.*

⁴⁰ Там же. С.119.

советы и наставления. Одна из подчеркнутых Владимиром Набоковым «несуразностей» заключалась в неверном употреблении слова «пожарище», использованное Кириллом в своем стихотворении в значении «большой пожар».⁴¹

Главный завет Владимира Набокова Кириллу, выбравшему путь поэта, – «бойся общих мест»⁴² (в другом письме – «бойся шаблона»⁴³), объясняется особенностями стиля Кирилла Набокова, склонного к использованию штампов, а также известных поэтических образов.

Тем не менее, пражане находили талант Кирилла Набокова самобытным и ценили его поэтические произведения, попутно замечая, что «Кирилл как поэт был гораздо значительнее Сирина».⁴⁴ Близкий друг семьи Набоковых Н.А. Раевский (1894-1988) вспоминал об одном своем разговоре с Владимиром Набоковым, в котором речь шла о творчестве Кирилла: «...мне совершенно точно запомнился состоявшийся впоследствии спор мой с Владимиром Владимировичем о стихах его брата. Набоков-старший категорически отрицал наличие у брата поэтического таланта. Текстуально помню его выражение: “Кирилл – грамотный стихослагатель и только. Поэтического таланта у него нет”. Несмотря на мое почтение к его литературному авторитету, я позволил себе не согласиться с его мнением. Не соглашаюсь с ним и сейчас».⁴⁵

Кирилл Набоков участвовал в литературном вечере Союза русских писателей и журналистов в ЧСР 1 мая 1931 г. и в творческой встрече «Скита» 22 апреля 1932г. и опубликовал свои произведения в двух коллективных сборниках объединения; сборники также носили название «Скит» и имели номера I, II и III. В первый сборник (1933 г.) вошли два стихотворения Кирилла «Гроза» и «Творчество II», в третьей книге (1935 г.) были опубликованы еще три: «Шуршанье в кустах...», «В зеркальных ледянистых лужах...», «In memoriam Hoelderlin». Последняя прижизненная публикация поэта состоялась в 1937 г., когда на страницах 65-го тома «Современных записок» в одном ряду с Вяч. Ивановым, А.Штейгером, Зинаидой Шаховской, Эмилией Чегринцевой, Георгием Раевским появилось имя Кирилла Набокова и два

⁴¹ Это слово может стать ключевым для определения, к какому именно стихотворению относятся упрек и ирония Владимира Набокова. Однако найти стихотворение по этому ключу нам не удалось. [Слово «пожарище» упоминается в критическом разборе эмигрантской поэзии в романе Набокова «Дар» -- примеч. ред., Ю.Левинг.]

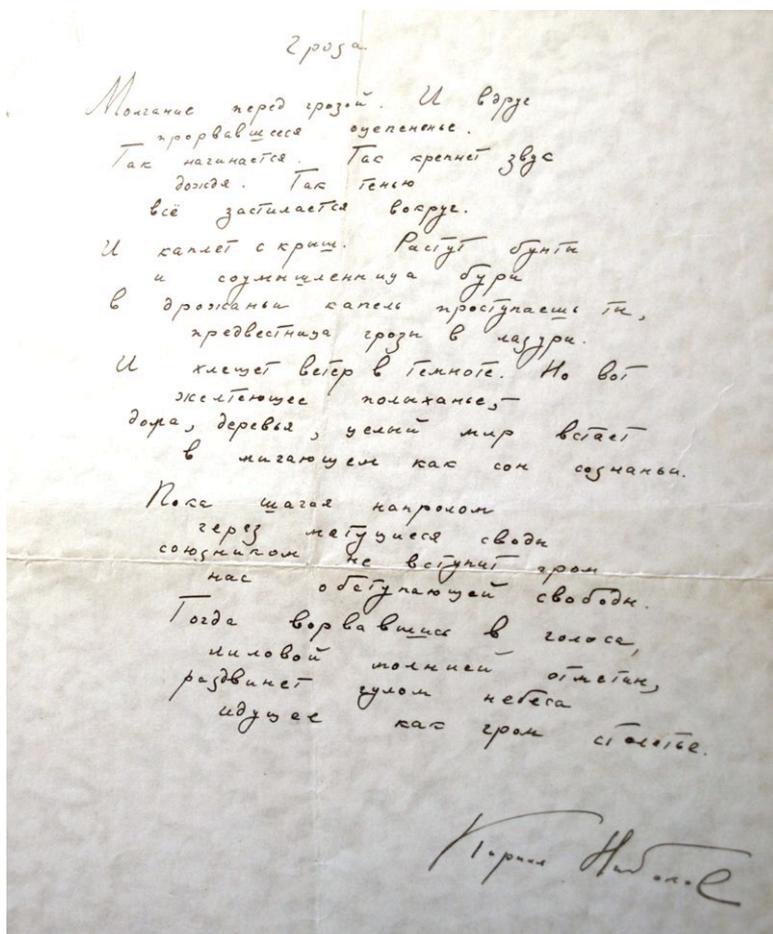
⁴² *Набоков В.* Переписка с сестрой. Ann Arbor, Michigan, 1985. С.120.

⁴³ Там же. С.118.

⁴⁴ «Воспоминания» Вадима Морковина // *Русская Литература*. 1993. № 1. с. 222.

⁴⁵ *Раевский Н.А.* «Воспоминания о В. Набокове» // *Простор*. 1989. № 2. с. 113-114.

новых его стихотворения «Расставанье» и «Свиданье», напечатанных уже после отъезда поэта из Чехословакии в Бельгию. Кирилл Набоков опубликовал при жизни десять стихотворений: одно в берлинском «Руле», два в «Воле России», пять в сборниках «Скита» и еще два в «Современных записках».

Автограф стихотворения «Гроза» из архива К.В. Набокова

Эмигрантская критика специально не выделяла и не отмечала поэтических заслуг Кирилла Набокова; как правило, имя поэта лишь упоминается среди участников «Скита». Исключение составляет заметка Ю. Терапиано в выборгском «Журнале Содружества» (1933-1938), помещенная в 7 номере журнала за 1935 г. в библиографическом разделе «Среди книг»⁴⁶. Терапиано достаточно четко определил особенности поэтики Кирилла Набокова: сочетание самобытного таланта, влияния Пастернака и стремления к нагромождению образов, характерное для молодых поэтов пражской школы: «Ближе всего к поэзии в данном сборнике Кирилл Набоков;

⁴⁶ Терапиано Ю. Скит. Сборник III // Журнал Содружества. 1935. №7. С.38-39.

в его первых двух стихотворениях, недоовощенных, бледноватых, чувствуется порой настоящее дыхание. Тем досаднее читать его третье стихотворение (“*In memoriam Noelderlin*”), явно навеянное Пастернаком, воспринятым довольно наивно: нагромождение образов и безвкусовых “красивых слов”.⁴⁷ Терапиано подчеркивает, что погоня за формальной новизной – это особенность всех молодых поэтов «Скита», многие из которых талантливы, но «какая-то чуждая поэзии воля все время толкает их в сторону искусственности, мешает им найти себя – свое чувство, свой стиль, свою тему».⁴⁸

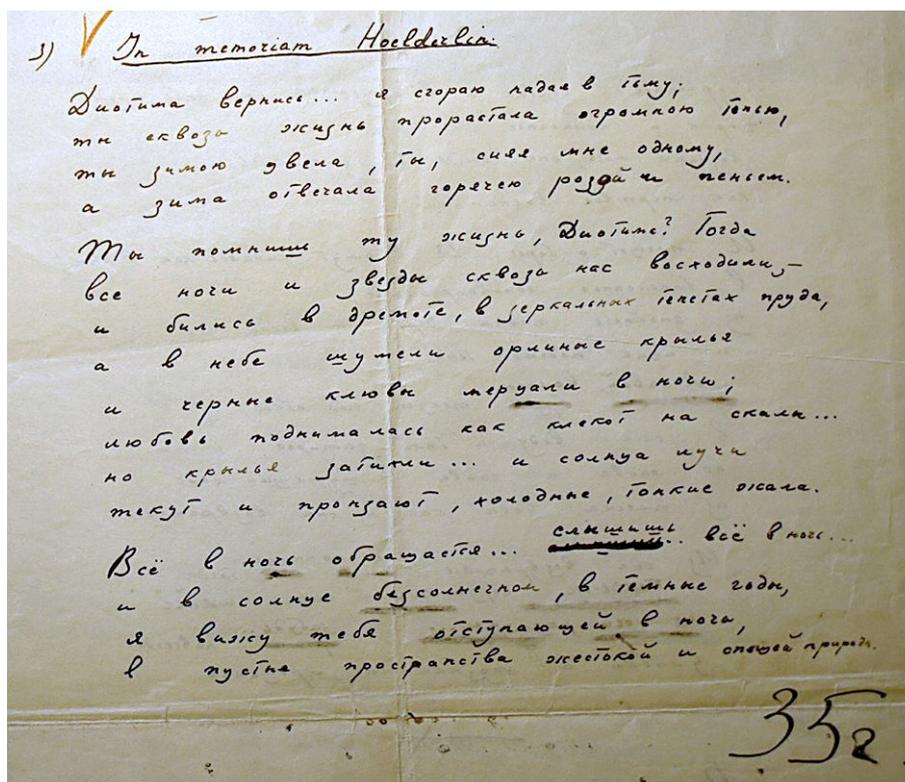
Марина Ледковская, автор сообщения о творчестве Кирилла Набокова, опубликованного в «Новом Журнале»,⁴⁹ отмечает, что поэт успел подготовить к печати сборник стихотворений «Дальние пути. Цикл», который не был опубликован и хранится в женевском архиве Елены Владимировны Сикорской (урожд. Набоковой), сестры Владимира и Кирилла. Ледковской были опубликованы три стихотворения из этого архива – «Любовь», «Богатства земного не надо...» и «*La nuit derniere, a Marienbad*». Вероятно к этому же архиву относятся еще три стихотворения, опубликованные Л. Белошевой с пометой «архив семьи автора»: «Шекспир», «Поэма I. Встречи», «Бессоницей ее зовут...».⁵⁰

⁴⁷ Терапиано Ю. Скит. Сборник III // Журнал Содружества. 1935. №7. С.39.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Ледковская М. Забытый поэт. Кирилл Владимирович Набоков // Новый Журнал. 1997. №209. С. 277-288.

⁵⁰ Поэты пражского «Скита». Проза. Дневники. Воспоминания. Письма. СПб., 2007. С.553-563.

Автограф стихотворения «In Memoriam Hoeldrlin» из архива К.В. Набокова

Произведения Кирилла Набокова, помимо женеvского архива Е.В. Сикорской, хранятся также в фондах пражского литературного архива «Památník národního písemnictví». ⁵¹ Стихотворения собраны в отдельную папку и находятся в составе архива А.Л. Бема. Помимо опубликованных при жизни поэта стихотворений в пражском архиве хранятся еще несколько рукописей Кирилла Набокова: три редакции стихотворения «Исход ночи», публикуемые нами в Приложении 2, и произведение «Урок романтики», опубликованное О. Малевичем. ⁵²

Одно четверостишие из неопубликованного стихотворения Кирилла известно нам в записи Н.А. Раевского ⁵³, полагавшего, что «огромный авторитет Владимира Владимировича не позволил должным образом развиваться несомненному таланту его брата. Сверкающая звезда затмила скромную пока звездочку» ⁵⁴:

⁵¹ LA PNP Pozůstalost Bem A.L.: Nabokov K.V. Básně.

⁵² Поэты пражского «Скита». Стихотворные произведения. СПб., 2005. С. 446-447.

⁵³ Раевский Н.А. «Воспоминания о В. Набокове» // Простор.1989.№2. с.112-117.

⁵⁴ Там же. С.113-114.

Тебе, чужой, холодной, дальней,

Всю нежность сердца отдаю.

И все смиренней, все печальней

Тебе, любимая, пою.⁵⁵

Приложение 1

Стихотворения Кирилла Набокова, опубликованные при жизни поэта

Творчество

Темно и трудно зрел напев.

Я ждал, когда наступит время

⁵⁵ Раевский Н.А. «Воспоминания о В. Набокове» // Простор. 1989. № 2. С. 113-114.

и синяя волна, вскипев,
все нарастающее бремя
еще не созданных стихов
с моей души легко поднимет
и в мир живых и ясных слов,
как на зеркальный берег, кинет.

(«Руль». 9 июня 1930 г.)

Я уплываю. Я вплываю в ночь
охотником за птицами и снами, -
и мир дневной отступит тихо прочь,
ночь длинной тенью ляжет между нами.

И тени, падая зигзагами, дрожат,
и воеет зверь, луной обрызган рыжей, -
голубоватый снег, и по снегу скользят
упругие, оранжевые лыжи.

И птица раненая бьет крылом,
Роня кровь, глотая иглы стужи, -
на белом снеге огненным пятном
застыл предсмертный, изумленный ужас.

Снег бьет в лицо. Стремительно бегу,
весь мир вокруг задохся в снежном плаче, -
и черной тенью, глыбами в снегу
встают из леса сумрачные дачи.

Я возвращаюсь в полутьме домой,
и мир дневной уже в окно стучится, -
и вот летит подстреленная мной
на белом снеге раненая птица.

(«Воля России». 1931 г., №1-2)

Ночь падает тяжелой гроздью звезд,
а день гудками и стальным стенаньем,
и вянет мир веселых, нежных роз
от электрического тусклого сиянья.

Как двойственный понять союз,
двойного мира чуткое вращенье,
по небу черному бегущее виденье,
и плач, и смех, и шепот муз?..

(«Воля России». 1931 г., № 1-2)

Гроза

Молчание пред грозой. И вдруг

Прорвавшееся оцепененье.

Так начинается. Так крепнет звук

дождя. Так тенью

все застилается вокруг.

И каплет с крыш. Растут бунты.

И, соумышленница бури,

в дрожаньи капель протупаешь ты,

предвестница грозы в лазури.

И хлещет ветер в темноте. Но вот

желтеющее полыханье, -

дома, деревья, целый мир встает

в мигающем, как сон, сознаньи.

Пока, шагая напролом,

через мятущиеся своды

союзником не вступит гром

нас обступающей свободы.

Тогда, ворвавшись в голоса,
Лиловой молнией отметин,
раздвинет гулом небеса
идущее, как гром, столетье.
(«Скит» I. 1933 г.)

Творчество

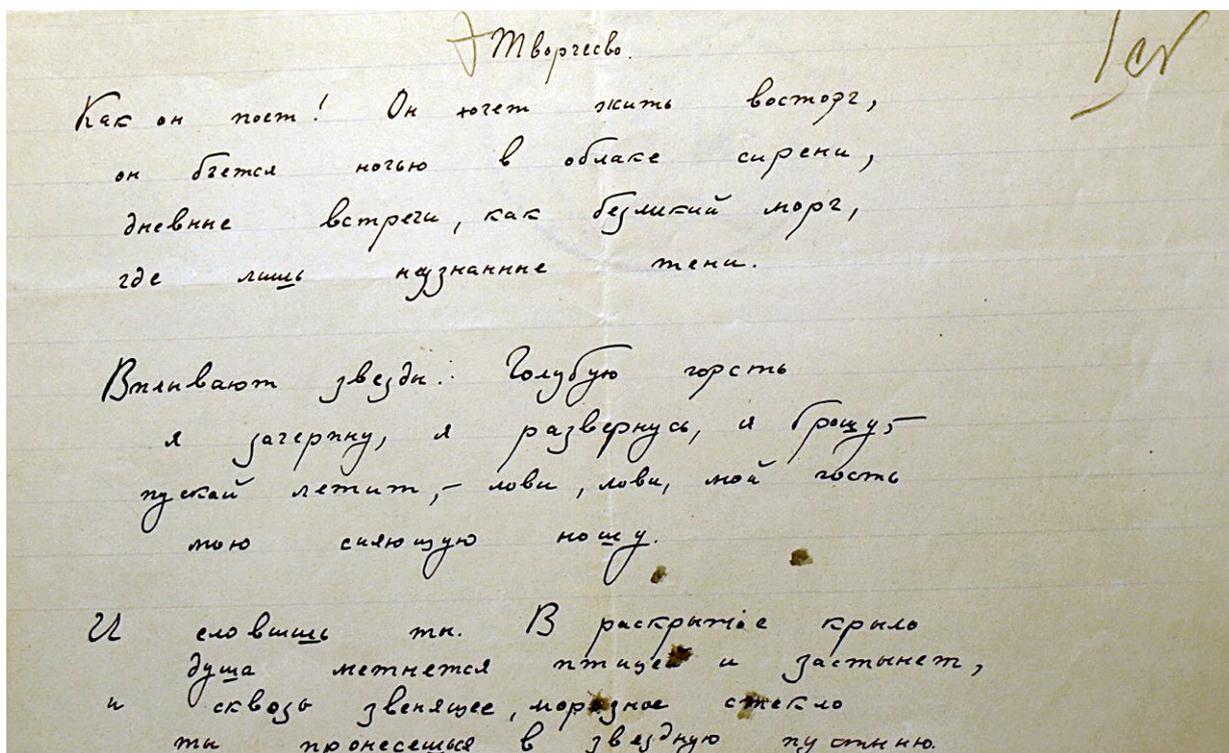
Как он поет! Он хочет жить восторг,
он бьется ночью в облаке сирени;
дневные встречи, как безликий морг,
где лишь неузнанные тени.

Всплывают звезды. Голубую горсть
я зачерпну, я развернусь, я брошу, -
пускай летит, - лови, лови, мой гость,
мою сияющую ношу.

И словишь ты. В раскрытое крыло
душа метнется птицей и застынет,
и сквозь звенящее, морозное стекло

ТЫ пронесешься в звездную пустыню.

(«СКИТ» I. 1933 г.)

Автограф стихотворения «Творчество» из архива К.В. Набокова

Шуршанье в кустах и в прозрачном, как небо, пруде -
шорох и колыханье.

Звездная ночь, она бьется в зеленой воде,
как мертвое воспоминанье.

И плещет о берег. И в омут кидаюсь, как в сны,
в блаженное головокруженье,
из знойного плена дерев и весны
дрожащие падают тени.

Ленивой волною текут под откос,
в зеленую воду, и там замирая,
но снова и снова в шумящий хаос
из плеска воды как из сна возвращаясь.

Из сна возвращаясь...ты помнишь тогда,
такое-ж струилось и гасло сиянье
из ночи разлуки...забудь...навсегда...
улыбка и музыка и прощанье.

(«Скит» III . 1935 г.)

В зеркальных ледянистых лужах
стояла темная вода,
а ночь была холодный ужас;
срывалась черная звезда
от гулких ливней и ветров

на безнадежные деревья
и на бульвары городов,
на наши дымные кочевья.
И прошумели небеса,
как отшумят воспоминанья; -
в пустые темные глаза
плывет холодное сиянье.
И непришедшая весна,
как будто медля в отдаленьи,
в безглазые провалы сна
крылатою спускалась тенью,
напоминая нам еще,
что под неистовством несчастий
наш крик и трепет освещен
душой, разорванной на части.
(«Скит» III. 1935 г.)

In memoriam Hoelderlin

Диотима, вернись... я сгораю, падая в тьму;
ты сквозь жизнь прорастала огромною тенью,
ты зимою цвела, ты сияла мне одному,

а зима отвечала горячею розой и пенъем.

Ты помнишь ту жизнь, Диотима? Тогда

все ночи и звезды сквозь нас восходили, -

и бились в дремоте, в зеркальных тенетах пруда,

а в небе шумели орлиные крылья,

и черные клювы мерцали в ночи;

любовь поднималась, как клетот на скалы...

но крылья затихли...и солнца лучи

текут и пронзают, холодные тонкие жала.

Все в ночь обращается...слышишь...все в ночь...

и в солнце бессолнечном, в темные годы,

я вижу тебя отступающей в ночь,

в пустые пространства жестокой и спящей природы.

(«Скит» III. 1935 г.)

Расставанье

Все отступает в сумрак лет,

и ты, душа, уходишь с ними,

стирается на камне след,

где было раньше имя, имя...

В твоих летящих волосах
и в нежности твоей чудесной,
кому дано познать твой страх
пред неизбежным, неизвестным?

И кто поймет твой трепет рук, -
о раненые крылья птицы! –
где музыки бессмертный звук
над скрипкою еще томится

и умирает, не родясь.

(«Современные записки». Т. 65, 1937)

Свиданье

Там в тишине рождался звук
и нарастал из отдаленья,
ты в зеркале прошла, мой друг,
прозрачной, неживую тенью.

и, руки протянув ко мне,

Лиловым лоском

цветы текут,

горячим воском

мне пальцы жгут.

И бьется звоном

окно в огне,

Вечерний гомон

плывет ко мне.

Влетают звуки,

танцует мир,

в дыму и скуке

сырых квартир.

А гость садится

у синих стен,

взлетает птицей

с цветком Кармен.

В звенящем танце

идут за ней

с глазами пьяниц

и королей.

И в вихре темном

кружась, кружась,

в вечерний гомон

ты унеслась.

Так каждый вечер

прекрасен мир,

безумный ветер

по струнам лир.

Далекий отсвет

страны твоей,

дрожащий отсвет,

игра теней.

(Публикация О. Малевича. «Поэты пражского «Скита». Стихотворные произведения». СПб., 2005. с. 446-447).

Архив Е.В. Сикорской (Женева)

Шекспир

Деревья спят... В гуденье черных рош
я отклику столетий внемлю,
и синих звезд весенний теплый дождь
косыми брызгами летит на землю.

Из тьмы столетий возникает мир,
прекрасный мир актера и поэта.
Макбет и Гамлет, Юлий Цезарь, Лир,
Кориолан, Ромео и Джульетта,
все люди, к жизни призванные им,
ко мне пришли.

Средь теней полусна,
когда казалось прошлое как дым
исчезнувший, была им вновь дана

бездонность жизни, и в движеньи рук
я видел след неизъяснимых мук
любви, надежды, горя и желанья...

Так в эту ночь ко мне пришел Шекспир
из тьмы годов любви и умиранья,
и все слилось в тяжелом всплеске лир,
в огромном мире древнего сиянья.

1930

(Публикация Л. Белошевой. «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006. С.553-564)

Поэма I. **Встречи**

Шел снег и бился в окна ветер.

Обрывки мыслей рвались, как зарницы.

Хрустел ледок, и вечер длинной тенью

спустился на дома.

Не знаю сам, зачем

пришел я в вечер тот в сияющую залу,

звнящую, дрожащую от танца,

от музыки, от скуки и подобий,

водивших раньше томный менуэт

на пышных петербургских ассамблеях.

Окурком спрятал скуку в портсигар.

Заулыбался так непринужденно,

что если б сам такого встретил я,

подумал бы: «Как счастлив он,

наверно, жизнь без горя протекает,

и по ночам спокойный ум его

терзаниями душу не тревожит».

И думал я: «Что, если бы сейчас?...

Что, если будет словлено мгновенье
и счастье забьется, как в сетях
рыбачьих рыба бьется, в сердце ослепленном,
и я пристану, радостный Улисс,
к еще не ведомой стране желаний?»

Стояла пыль, и, диким табуном
сорвавшись с привязи, влетали звуки
в среду танцующих. Веселый разговор,
как позолота сущности неяркой,
вился и таял. Лица покраснели
от пота. Тут и там
среди лиц изученных и мертвенных, как будни,
я видел жалкое подобие любви.

Слонялся я без цели и следил
за сутолкой – веселостью бескрылой
и вдруг увидел, как из-за плеча,
ко мне склоняясь, за мной следят упрямо
и входят в душу темные глаза
мятежной Музы песни и исканья...
А в смежной зале среди моих друзей,
опошленных налетом каждодневья,

ее лицо увидел в полутьме.

Я познакомился и целый вечер тот
провел лишь с ней, невстреченною раньше.

Как после сна тяжелого, дурного
я просыпался в солнечное утро,
как после крика темных, страшных чувств
я иногда ребенком становился
и радовался каждому цветку
и каждой девушке, что мне встречалась.

Так и теперь, смотря в ее глаза,
душа свободной, легкой становилась,
я позабыл все горечи страстей,
цветок в петлице мертвый распустился.

Я все любил: и золото волос,
глаза твои, и нежную улыбку,
и трепет рук, и милый говорок, -
весь облик твой волнующий и чистый.

Веселый день! Да, в этот день чудес
забыл я все и даже стерлась память,
все заслонил нежданный образ твой,

случайно встреченный и душу ослепивший.

20.1.1931

(Публикация Л. Белошевой. «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006. С. 553-564)

Музыка

Бессонницей ее зовут
одни, иные – лирой.
И с ней, как с пленницей, живут
в разорванном, нестройном мире.

Ей голос свой отдав во власть,
с ней ежегодно разлучаясь,
ей не дадут звездой упасть,
и не отпустят, не отчаясь.

Она растет из темноты,
кипящею пенясь волною,
и с нею говорят на «ты»,
с далекою, почти родною.

Она таится в тишине,
под слабыми томясь руками,
но вот, но вот на самом дне
уже дрожит и плещет пламя,

чтоб, тяжесть сна преодолев,
ночные перейти границы,
из темной тишины взлетев,
уже в нее не возвратиться.

21-28.7.1935.

(Публикация Л. Белошевской. «Скит» Прага 1922-1940. М., 2006. С. 553-564)

Любовь

Что нам любовь? – Лишь кукла в пышном платье,
забава праздности и баловень глупца,
ошибка нежная и долгое объятье,
улыбка дряблая смущенного лица.

Что нам любовь? Что счастье, страх и горе?

- Дороги жизни все приводят в Рим,
все повторится, все уйдет, и вскоре
мы на Летейском пламени сгорим.

Мы будем прах. Там, где любовь пылала,

где билось сердце, лишь червяк ползет,

.....

В огнях и в танце, в шуме Карнавала

глупец влюбленный с розою идет.

Январь 1931 г.

(Публикация Марины Ледковской. *Ледковская М. Забытый поэт. Кирилл Владимирович Набоков // Новый Журнал. 1997. №2 09. С. 277-288*).

Богатства земного не надо

неземным поверившим снам,

в чьих душах струящийся ладан

возносится к небесам.

В чьих душах звучащее пенье

неземных отголосок времен,

просторов космических тени,

порывистый творческий сон.

Нам противны житейские мелочи, -

в голубую взносимся твердь, -

мы хоти быть простыми и смелыми

и приветствовать радостно смерть.

Декабрь 1929 г.

(Публикация Марины Ледковской. *Ледковская М. Забытый поэт. Кирилл Владимирович Набоков//Новый Журнал. 1997. №209. С. 277-288).*

La nuit derniere, a Marienbad

Мариенбады будут сниться,

как снились мне вчера

пролеты, статуи гостиниц

и представленья до утра,

ступени лестницы, ведущей

и уводящей в никуда, -

в стрелковый зал, туда, где лучше

забыть надежду навсегда, -

в ту комнату, в тот свет слепящий,

где на мгновение она

была живою, настоящей,

как фотография из сна.

1963

(Публикация Марины Ледковской. *Ледковская М. Забытый поэт. Кирилл Владимирович Набоков*//Новый Журнал. 1997. №209. С. 277-288).

Приложение 2

Кирилл Набоков, «Исход ночи»: три редакции одного стихотворения

Стихотворение было опубликовано в сборнике «Скит III» 1935 г. Название «Исход ночи», появляющееся во второй редакции произведения, было снято автором. Текст стихотворения, а также три рукописные редакции, хранятся в пражском литературном архиве LA PNP (Pozůstalost Bem A.L.: Nabokov K.V. Básně). Редакции пронумерованы карандашом в верхнем правом углу страницы рукой А.Л.Бема.

Первая редакция

Шуршанье в кустах... и в зеленом как небо пруде

трепет и колыханье.

Звездная ночь, она бьется в зеленой воде

как мертвое воспоминанье.

И плещет о берег. И в омут кидаясь как в сны

в блаженное головокруженье,
Из знойного плена дерев и весны
Дрожащие падают тени.

Дрожа поднимаются и, на откос,
как море гремящее под скалою,
их снова бросает зеленый хаос
в холодное небо ночное.

Кончается... так-ли... мертво, как вода
ослепляющая сияньем
чужим и холодным... забудь навсегда...
улыбка и музыка и прощанье.

Вторая редакция

Исход ночи
Шуршанье в кустах, и в дремотном от зноя пруде
шелест и колыханье,
звездная ночь она бьется в зеленой воде
как мертвое воспоминанье.

И плещет о берег. И в омут кидаясь как в сны,

в блаженное головокруженье,
из знойного плена дерев и весны
дрожащие падают тени.

Дрожа поднимаются, и на откос, -
в бледнеющем небосклоне,
шурша опускается сонный хаос
в солнечные ладони.

Кончается... там-ли... мертво, как вода,
ослепляющее сиянье,
Прозрачно и тихо. Забудь навсегда
улыбка и музыка и прощанье.

Третья редакция

Шуршанье в кустах и в прозрачном как небо пруде
шорох и колыханье.

Звездная ночь, она бьется в зеленой воде
как мертвое воспоминанье.

И плещет о берег. И в омут кидаясь как в сны,
в блаженное головокруженье,

из знойного плена дерев и весны

дрожащие падают тени.

Ленивой волною текут под откос,

в зеленую воду, и там замирая,

но снова и снова в шумящий хаос

из плеска воды как из сна возвращаясь.

Из сна возвращаясь... ты помнишь тогда,

такое-ж струилось и гасло сиянье

из ночи разлуки... забудь... навсегда...

улыбка и музыка и прощанье.

